

В НАЗИДАНИЕ НАРОДАМ ДРЕВНОСТИ

«Размах и инициатива» — вот что требуется от юбилейных торжеств

Независимая газета. 1998. 22 окт. — с. 9, 11
в честь 60-летия Венедикта Ерофеева

Глеб Шульпяков

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ с ерофеевским юбилеем?

Пить? Банально. Ерофеева не перепьешь, а если и перепьешь, второй поэмы не напишешь.

Не пить? Просто срам какой-то — как не пить-то?

Конференцию устроить? Не по нраву. Промолчать с кафедры? Совсем безнравственно.

Налево пойти? Направо? Все одно к Курскому выйдешь.

Но от даты, которая стремительно приближается, не отвертеться. Что с ней делать? Как обойтись без позора, пафоса и одеколона «Свежесть»? Чтобы и помыслы не оставить, и намерения не растерять?

Очень сложно.

Выход, однако, есть и заключается он не в количестве выпитого и сказанного, а в том, чтобы все мероприятия были в первую и последнюю очередь «ужасающими с методологической точки зрения». Именно такой фразой заканчивался вердикт владимирских гуманитариев относительно ерофеевских шутиль тридцатилетней давности, что, видимо, и спасло будущего автора бессмертной поэмы от ученой карьеры.

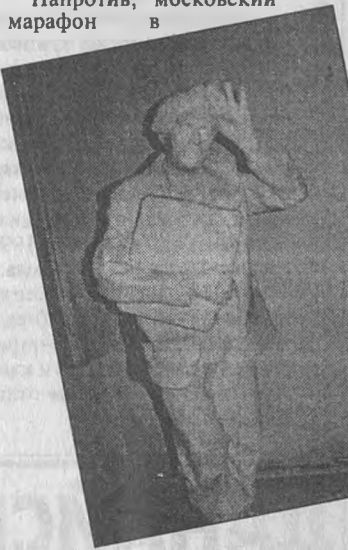
Как известно, «все должно идти медленно и неправильно».

«Все должно идти быстро и легкомысленно», — добавляем мы и выносим две фразы в эпиграф ерофеевских будней образца 98-го.

Итак, в начале октября во Владимире собираются дети лейтенанта Шмидта: Авдиев, Тихонов, Сорокин, сенаторы и делегаты всех четырех пленумов Петушинской революции: прообразы, прототипы, друзья по владимирскому застолию, исследователи творчества. Конференция, посвященная Венедикту Ерофееву, называется международная — видимо, из почтения к Марио Карамитти и Павлу Маркварту, — а ее персонажи сидят в зале под огромным полотном, на котором Ленин протягивает руку к народу, отчего фотографии с конференции напоминают картины Веласкеса. Несмотря на отсутствие спонсорских денег, делегаты перманентно пьют горькую, бродят по

ерофеевским — или Веничкиным — местам и поражаются сходством Венедикта Венедиктовича, который до сих пор знает букву «ю», с оптом. Под занавес Евгения Плышевская обнаруживает космогонию поэмы, называя ее хаосмосом, отчего конференция приобретает законченные, хотя и расплывчатые научные черты. Гости разбегаются неохотно, все идет медленно и чрезвычайно вдумчиво.

Напротив, московский марафон в

перед вами рядом с «Ханаанским бальзамом», который — чем черт не шутит! — поставят на поток городские власти ввиду сокращенного импорта.

В моде ретро: одеколон «Шипр», например, или пиво марки «Разбавленное». Хорошо еще зайти в магазин и сказать: «Любез-

мое патетическое мероприятие и ставить под сомнение каждый, даже самый горный вопрос. «Если это вздор, то что же тогда не вздор?» А я говорил: «О, не знаю, не знаю! Но есть».

Это только Ленин не понимал, что ему делать в октябре. У нас каждый встречный-поперечный знает, что после кризиса ко времени нужно относиться с глубокомысленной беспечностью. Пусть о завтрашнем дне думают политики и бандиты, и

Справа и слева от Венедикта Васильевича — памятники Веничке и рыжей искусительнице из Петушков работы скульптора Валерия Кузнецова. Фото ИТАР-ТАСС

честь Ерофеева с первого оборота поразил прыткостью и божественным легкомыслием. Началось все с того, что городские власти сразу прибрали торжества под свое крыло, отчего мероприятия приобрели легкий оттенок похмельного безумия.

Скажите, ну почему в честь Ерофеева надо устраивать конные бега с участием московских артистов, которые специально к этому дню ознакомились с творчеством В.Е.? А чего стоит автопробег его имени от Юрия Долгорукого до самых до окраин? Добавьте сюда обаятельную и бестолковую трехразовую нарезку из поэмы по «ТВ-Центру», рекламные ролики на ту же тему, постеры со «Слезой комсомолки», литературные чтения в ресторане «Петрович» — и выводы окажутся

наша, дай-ка нам что-нибудь из ординарных плодово-ягодных типа «Агдам», грамм семьсот, чтоб не так тошнило».

В наши торопливые времена старые вещи и отношения между ними наполняются новым смыслом: нет, к примеру, ничего более удивительного, чем покупка гнуснейшего портвейна «Алабашлы» по кредитной карточке, или бутылка «Шато Неф дю Пап» под плавленый сырок где-нибудь в подворотне на Герцена.

Скучно жить было только Николаю Гоголю и царю Соломону, а Венедикт Ерофеев вписался в наше время легко и непринужденно. Не столько потому, что выпить любят все, сколько по врожденной способности его гения вносить легкомысленный тон в любое, даже са-

мее старость и верность накладывают на их рожи морщины. Все остальные легко и помногу тратят последние деньги, обильно закусывая и безболезненно выпивая. И в этой точке век Ерофеева и век нынешний сходятся, ведь и тогда о завтрашнем дне думал только Алексей Блиндаев, старая шпала и член КПСС с 1936 года.

«Я тоже останавливаюсь. Ровно минуту, мутно глядя в вокзальные часы, я стою, как столб, посреди площади Курского вокзала. Волосы мои то развеваются на ветру, то дыбом встают, то развеваются снова. Такси обтекают меня со всех четырех сторон. Люди — тоже, и смотрят так дико: думают, наверное, — извять его вот так, в назидаение народам древности, или не извять?»

Оказалось, извять все-таки придется. В субботу, 24-го, в десять утра именно на площади Курского вокзала будет открыт памятник литературному герою бессмертной поэмы, и волосы его будут то развеиваться, то вставать дыбом, точно так же, как и тридцать лет назад. Ровно через час из четвертого тупика отправится агитпоезд в Петушки. Те, кто сумеет преодолеть это мифическое расстояние, откроют на платформе памятник литературному персонажу, к которому так стремился, но так и не доехал Веничка: «Эта девушка вовсе не девушка! Эта искусительница — не девушка, а баллада ля-бемоль мажор! Эта женщина, эта рыжая стервова — не женщина, а волхование!»

Для тех, кто не рискнет отправляться в хрестоматийное путешествие, группы «Петлюра» и «Последний шанс» сыграют прямо в зале ожидания через полчаса после отбытия смертников в Петушки. Вечером остатки гвардии соберутся на юбилейный вечер в гостинице «Орленок», где ерофеевский месячник будет признан закрытым — до следующей, видимо, даты.

И пусть глупые люди говорят, что юбиляр, буде жив, никогда бы не принял участия в этом бедламе и сошел бы с электрички современности, плевать на их пустые слова — по плевку на каждое. Я знал многих алкоголиков, которые оправдывали личную катастрофу ерофеевскими героями, но ведь это не значит, что Минздрав должен изымать поэму из обращения: предупреждать предупреждай, но зачем изымать-то? Я также знал одного алкоголика, который защитил диссертацию по Ерофееву, — но ведь и это не значит, что поэму надо раздавать в электричках бесплатно.

«Размах и инициатива» — вот, что требовалось от юбилея, и что юбилей оправдал, а уж смысл у каждого свой найдется. Размах и инициатива приближают нас к тайнам бытия — в отличие от «пустоголовой юности, идущей нам на смену», — а это не так уж мало: подумайте о октябре о смысле, а не о курсах, стогах и стягах.

Подумать — и немедленно выпить.

(Продолжение темы на стр. 11)